

КАТЕРИНА БЕРГОВА

НЕЖНЫЙ ПАЛАЧ

18+

Александра Ветрова

Нежный палач

<https://litres.ru/74230539>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его инструмент — не боль, а ласка. Её наказание — наслаждение, от которого невозможно отказаться. Он — профессиональный дознаватель, она — его пленница. Но вместо пыток — поцелуи, вместо угроз — шёпот о любви. Когда граница между ненавистью и страстью стирается, она понимает: её палач хочет не правды — он хочет обладать ею целиком. Но готова ли она платить эту цену?

Содержание

Глава	4
Глава 1. Поцелуй, разящий острее ножа	5
Глава 2. Вкус твоей слабости	13
Глава 3. Горячий шёпот каменных стен	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Нежный палач

Глава

Глава 1. Поцелуй, разящий острее ножа

Холод пробирал до костей, но это был не тот спасительный холод, что приносит облегчение в летний зной. Это был холод сырого подвала, пропахшего известкой и железом, холод, который въедался в кожу и заставлял мышцы сводить судорогой, даже когда она не двигалась. Лина очнулась на жестком деревянном стуле, и первое, что она осознала — это полное отсутствие света, лишь тусклый, маслянистый отблеск пробивался откуда-то сверху, выхватывая из мрака очертания каменных стен и ее собственные руки, прикованные к подлокотникам широкими кожаными ремнями.

Голова гудела, и в висках пульсировала тупая боль, заглушающая страх, который, она знала, должен был нахлынуть волной. Но вместо паники в душе росла странная, ледяная пустота. Она попыталась вспомнить, как оказалась здесь, но в памяти зиял черный провал, разорванный лишь отрывками яркого света, криками и запахом озона. Был ли это городской переулок? Или ее собственная квартира? Ответа не было.

Шаги раздались внезапно, хотя Лина могла бы поклясться, что слышала бы приближение по этой мрачной тишине. Но шаги просто *возникли* — тяжелые, уверенные, с четким

ритмом, который отдавался эхом где-то в глубине ее грудной клетки. Они остановились прямо за ее спиной, и она почувствовала его присутствие раньше, чем увидела. Воздух вокруг нее как будто сгустился, стал плотным и липким, наполнившись запахом дорогого одеколона с горьковатыми нотками табака и кожи.

— Ты не будешь кричать, — произнес голос. Низкий, бархатистый, с такой уверенной интонацией, что это было даже не утверждением, а констатацией факта, закона природы, который не подлежит обсуждению.

Он медленно обошел стул, и Лина впервые увидела своего палача. В тусклом свете его лицо казалось вырезанным из мрамора — резкие скулы, волевой подбородок, прямой нос с горбинкой и глаза, цвет которых невозможно было определить в этом полумраке. Они казались то ли серыми, то ли холодными, льдисто-голубыми, и в них не было ни капли эмоций. Только спокойствие и абсолютная власть. На нем была безупречно сидящая черная рубашка, расстегнутая на верхние пуговицы, открывающая крепкую шею, и брюки из плотной ткани. Он выглядел не как тюремщик из дешевого боевика, а как дорогой хирург, готовящийся к сложнейшей операции.

— Я не буду кричать, — повторила Лина, и ее собственный голос прозвучал хрипло и слабо, но в нем не было истерики. Это удивило ее саму. Вместо страха она чувствовала странное любопытство, смешанное с ощущением нереально-

сти происходящего.

Мужчина усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз. Он подошел к столу, стоящему у стены, и Лина услышала звон металла. Ее сердце пропустило удар — она ждала щипцов, раскаленного железа, игл. Но когда он повернулся к ней, в его руке была лишь маленькая кисточка с мягким ворсом и пузырек с прозрачной жидкостью.

— Меня зовут Сергей, — сказал он, словно они встретились на светском рауте. — И я задам тебе несколько вопросов. Но сначала... мы должны настроиться на нужную волну.

Он опустил перед ней на корточки, и теперь его лицо оказалось на уровне ее груди. Лина судорожно вздохнула, когда его холодные пальцы, такие же безупречные, как и все в его облике, легли на ее обнаженное плечо. Она даже не заметила, когда он сорвал с нее одежду. На ней осталась лишь тонкая белая майка, которая почти ничего не скрывала, и кожаные ремни врезались в запястья, оставляя покрасневшие следы.

— Ты холодная, — прошептал он, и его дыхание обожгло ее ключицу. — Я согрею тебя.

И он начал водить кисточкой по ее руке. Жидкость была теплой, почти горячей, и от нее по телу разбегались мурашки. Движения были медленными, круговыми, он выписывал ею замысловатые узоры от плеча до локтя, затем перешел на шею, оставляя на коже влажные, блестящие дорожки. Лина зажмурилась, пытаясь бороться с этим ощущением. Это бы-

ло неправильно. Он должен был причинять боль, но вместо этого каждое прикосновение мягкого ворса посылало в ее мозг сигналы чистого, ничем не замутненного удовольствия.

— Что ты хочешь узнать? — выдохнула она, пытаясь вернуть себе контроль.

— Всё, — просто ответил он, и его голос стал глубже. — Но позже. Сейчас я хочу, чтобы ты чувствовала. Только это.

Он отложил кисточку в сторону и теперь касался ее голыми пальцами. Кончики его пальцев скользили по влажной от жидкости коже, очерчивая контур ключицы, спускаясь ниже, к вырезу майки. Он не торопился. Каждое его движение было выверенным, точно просчитанным. Он словно читал ее тело, как открытую книгу, изучая каждую реакцию, каждый вздох. Когда его палец на мгновение задержался у основания ее горла, чувствуя бешеный пульс, Лина непроизвольно дернулась, и ремни натянулись.

— Тише, — приказал он, и в этом слове было столько силы, что она замерла. Его глаза встретились с ее взглядом, и впервые она увидела в них что-то живое — не огонь, но тлеющие угли. — Если ты будешь бороться, я сделаю больно. Если расслабишься... я подарю тебе то, о чем ты не смела мечтать.

Он наклонился ниже, и его губы коснулись ее плеча. Поцелуй был легким, почти невесомым, но от него по спине пробежал электрический разряд. Затем он снова поцеловал ее, чуть сильнее, чуть настойчивее, и его язык скользнул по

влажной от жидкости коже, пробуя ее на вкус. Лина невольно выгнулась ему навстречу, и это движение, предательское и откровенное, заставило ее щеки залиться краской стыда.

— Видишь? — прошептал он ей в шею, и его голос вибрировал, отдаваясь гулким эхом в самых потаенных уголках ее сознания. — Тебе это нравится. Твое тело знает, что ему нужно, даже если твой разум пытается отрицать.

Сергей выпрямился и встал за ее спиной, положив тяжелые ладони ей на плечи. От его рук исходил жар, и Лина почувствовала, как ее собственная кожа начинает пылать под его прикосновениями. Он начал массировать ее плечи, находя узлы напряжения и разминая их с удивительной нежностью. Его большие пальцы двигались по лопаткам, спускаясь ниже, к позвоночнику, и от каждого нажатия по телу разливалась сладкая истома. Она слышала его ровное дыхание у себя за ухом, чувствовала запах его кожи, и это сводило ее с ума больше, чем любая пытка.

— Почему ты не пытаешь меня? — спросила она, и ее голос дрогнул. — Где инструменты? Где... боль?

— Боль — это примитивный инструмент, — ответил он, и его руки на мгновение замерли. Он наклонился так близко, что его губы почти касались ее уха. — Боль ломает, но не убеждает. Она порождает ненависть и желание мести. Я же хочу, чтобы ты полюбила меня. Чтобы ты отдала мне все свои тайны не из страха, а из голода. Из жажды, которую утолить могу только я.

Эти слова прозвучали как приговор. Как обещание чего-то запретного и бесконечно желанного. Лина почувствовала, как где-то внизу живота затягивается тугой узел. Она ненавидела этого человека, этого палача в дорогой рубашке, который говорил о любви, держа ее в цепях. Но в то же время ее тело предательски отзывалось на каждое его слово, на каждое прикосновение.

Его руки скользнули с ее плеч вниз, по внутренней стороне рук, и она вздрогнула, когда его ладони накрыли ее запястья поверх ремней. Он сжимал их не сильно, но достаточно уверенно, чтобы она почувствовала его власть. Он наклонил голову, и его горячее дыхание коснулось ее шеи с другой стороны.

— Скажи мне, Лина, — произнес он, и в его голосе появилась хрипотца. — Тебя когда-нибудь целовали так, чтобы ты забыла, кто ты?

Не дожидаясь ответа, он прикусил ее мочку уха. Легко, почти невесомо, но это вызвало у нее судорожный вздох. Его язык прошелся по краю уха, дразня, обещая больше, и Лина выгнулась на стуле, насколько позволяли ремни. Стыд смешивался с острым, почти болезненным наслаждением. Она хотела, чтобы он остановился. И она хотела, чтобы он никогда не останавливался.

— Почему? — прошептала она, и в этом вопросе было столько же отчаяния, сколько и мольбы. — Почему ты делаешь это со мной?

Сергей выпрямился, и в его глазах снова зажглись те тлеющие угли. Он смотрел на нее сверху вниз, и на его губах играла легкая, понимающая усмешка. Он взял ее за подбородок, заставив поднять голову и встретиться с ним взглядом. Его пальцы были прохладными и уверенными.

— Потому что ты особенная, — сказал он, и в его словах слышалась абсолютная правда. — Тебя нельзя сломать болью. Тебя можно только... расплавить. Медленно. По капле. Так, чтобы ты сама захотела стать моей.

Он наклонился, и его губы встретились с ее губами. Поцелуй был глубоким и властным. Его язык проник в ее рот с дерзкой настойчивостью, исследуя, требуя, завоевывая. Он целовал ее с такой страстью, что у Лины перехватило дыхание, а перед глазами поплыли круги. Это был не просто поцелуй — это было обещание мучительного блаженства. Он пах опасностью и горечью, и в то же время в нем была сладость, от которой кружилась голова.

Когда он оторвался от нее, Лина с трудом переводила дыхание, чувствуя, как дрожат ее колени. Ремни на запястьях казались сейчас единственным, что удерживало ее на этом стуле, в этом подвале, в этой реальности. Она смотрела на него затуманенным взглядом, и в ее глазах больше не было страха. Только жгучее, всепоглощающее любопытство и желание, которое она отчаянно пыталась подавить.

— Ты будешь умолять меня о продолжении, — произнес он, и его голос прозвучал как ледяной шепот. — Не сегодня.

Но скоро. Ты будешь умолять меня целовать тебя снова. Будешь умолять о наказании.

Он отпустил ее подбородок и медленно отступил в тень, оставляя ее одну в полумраке подвала, с бешено бьющимся сердцем и влажными от поцелуя губами. Лина закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями, но в голове был лишь хаос из образов, запахов и ощущений. Она все еще чувствовала прикосновения его пальцев на своей коже и вкус его губ на своих. Она ненавидела его за эту слабость. И она жаждала его снова.

Глава 2. Вкус твоей слабости

Шаги затихли, оставив после себя лишь звонкую, давящую тишину, в которой Лина слышала собственное дыхание — прерывистое, слишком громкое, словно она бежала марафон. Она сидела неподвижно, ощущая, как кожаные ремни впиваются в запястья, и пыталась собрать разбегающиеся мысли в одну цельную картину. Но картинка не складывалась: слишком яркими были отпечатки его пальцев на её плечах, слишком живым — вкус его губ, смесь горечи табака и чего-то сладкого, неуловимого, от чего до сих пор кружилась голова.

Лина дёрнула руками, проверяя прочность оков, — стальные пряжки даже не скрипнули. Тогда она попробовала пошевелить ногами, и с удивлением обнаружила, что лодыжки свободны. Странно. Почему он не приковал её полностью? Или ему было настолько всё равно, сбежит она или нет? Или же он знал: она никуда не побежит, потому что какая-то часть её уже не хотела уходить?

Эта мысль ударила острее пощёчины. Лина зажмурилась, прикусила губу до солёного привкуса крови, чтобы прогнать наваждение, но перед глазами всё равно стояло его лицо — резкие скулы, тлеющие угли зрачков, холодная усмешка, которая обещала рай и ад одновременно. Она ненавидела его за эту власть, за то, что он превратил её страх в топливо для

желания. И больше всего она ненавидела себя за то, что её тело всё ещё помнило тепло его рук и просило повторения.

Прошло, наверное, около часа, хотя в этом подвале время текло иначе — тягуче, вязко, как расплавленный воск. Лина уже почти привыкла к полумраку, когда снова раздалась шага. Теперь они были медленнее, даже ленивее, и в них слышалась уверенность хищника, который знает, что жертва никуда не денется.

Сергей появился из тени бесшумно, словно материализовался из самого мрака. В руках он держал поднос, на котором стояла хрустальная ваза с водой и длинное, изящное гусиное перо — белое, с идеально заострённым кончиком. Никаких инструментов пытки, лишь предметы, способные дарить наслаждение или, по крайней мере, так казалось.

— Ты, наверное, хочешь пить, — сказал он, ставя поднос на край стола, и его голос звучал почти заботливо. — Но сначала я хочу, чтобы ты ответила на один вопрос. Всего один.

Лина подняла голову, встречая его взгляд. Внутри неё боролись гордость и животный страх, но она заставила себя говорить ровно:

— Задавай.

— Ты помнишь, как попала сюда? — спросил он, и в его тоне не было угрозы, лишь искреннее любопытство.

— Нет, — честно ответила она. — Память пуста. Я помню только вспышку света, шум... и запах озона. Как перед грозой.

Он кивнул, словно этот ответ полностью устроил его. Затем взял перо и, не спеша, подошёл к ней. Лина инстинктивно отпрянула, насколько позволяли ремни, но он лишь усмехнулся и опустился перед ней на колени, оказавшись с ней на одном уровне.

— Хорошо, — протянул он, и его дыхание коснулось её обнажённого живота, потому что майка задралась, открывая полосу кожи между пупком и резинкой джинсов. — Тогда мы будем вспоминать вместе. Не головой, а телом.

Он провёл пером по её ключице, и она вздрогнула — кончик оказался удивительно нежным, почти ласковым, но в то же время острым, оставляющим едва заметную красную полосу. Затем Сергей окунул перо в вазу с водой и снова коснулся её кожи, на этот раз ниже — по центру груди, туда, где через тонкую ткань майки проступал контур соска.

Лина судорожно вздохнула, когда холодная капля скатилась по разгорячённой коже, и её сосок немедленно отвердел, отзываясь на контраст температур. Сергей заметил это, и его взгляд потемнел.

— Как чувствительно, — прошептал он, и в его голосе проскользнула хриплая нотка одобрения. — Твоё тело говорит громче любых слов. Скажи мне, Лина, когда тебя в последний раз трогали с такой нежностью?

— Не помню, — выдохнула она, и это была чистая правда. В её жизни было много мужчин, но ни один не смотрел на неё так, словно она была произведением искусства, которое

нужно изучать до последней линии.

— Тогда я напомним тебе, что значит быть желанной, — произнёс он, откладывая перо в сторону и прикасаясь к ней ладонью. Его рука легла на её живот, чуть выше пупка, и он медленно повёл вниз, пальцы скользнули под край джинсов, но не проникли дальше, лишь дразняще очертили линию белья.

Лина выгнулась дугой, сдерживая стон, и ремни натянулись до предела. Ей казалось, что его пальцы обжигают, что они оставляют на коже невидимые клейма, которые не смоет ни одна вода. Он не спешил. Его движение было настолько медленным, что каждая секунда растягивалась в вечность, и она чувствовала, как влага собирается внизу живота, как каждая клетка её тела кричит о том, чтобы он пошёл дальше.

— Ты уже мокрая, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение, произнесённое с той же интонацией, с какой он сказал «ты не будешь кричать». — Я чувствую это по твоему дыханию, по тому, как дрожит твоя кожа. Ты хочешь, чтобы я коснулся тебя там. Ты хочешь, чтобы я освободил тебя от этой пытки ожидания.

— Нет, — выдавила она, но слово прозвучало жалко и неубедительно, потому что её бёдра сами собой приподнялись ему навстречу.

— Нет? — переспросил он, и его бровь насмешливо изогнулась. — Тогда докажи мне это. Скажи, что я тебе безразличен. Скажи, глядя мне в глаза, что ты не чувствуешь этого

огня.

Лина открыла рот, чтобы бросить ему в лицо ненависть, выплюнуть проклятие, но вместо этого из горла вырвался лишь прерывистый вздох, потому что его свободная рука легла на её грудь, накрывая майку, и большой палец начал выписывать круги вокруг соска, не касаясь его, лишь дразня, лишь разжигая.

— Я... я чувствую, — прошептала она, сдаваясь под напором этого ощущения. — Но это не значит, что я хочу.

— Лжёшь, — выдохнул он ей в губы, не целуя, но почти касаясь. — Твоя киска говорит иначе. Я знаю, она пульсирует сейчас, наливается жаром, и ты мечтаешь, чтобы я снял с тебя эти джинсы и прикоснулся к твоему клитору так, чтобы мир перевернулся.

От его слов по телу пробежала судорога, и Лина застонала — громко, отчаянно, забыв о гордости. Её тело предало её окончательно, и она чувствовала, как влага пропитывает бельё, как каждый его шёпот отзывается пульсирующей волной в самой глубине.

Сергей удовлетворённо улыбнулся, и в этой улыбке было торжество, но не жестокое, а скорее нежное, почти благодарное. Он убрал руку с её груди и, наклонившись, коснулся губами её живота — чуть выше пупка. Поцелуй был лёгким, почти целомудренным, но от него внутри разлилось пламя. Затем он поцеловал её снова, ниже, прямо над краем джинсов, и его язык скользнул по горячей коже, пробуя её на вкус.

— Ты сладкая, — прошептал он, поднимая голову, и в его глазах горели те самые тлеющие угли. — Я хочу пробовать тебя везде. Но не сегодня. Сегодня я лишь покажу тебе, что возможно, если ты перестанешь бороться.

Он поднялся, взял вазу с водой и медленно, наклоняя хрустальный сосуд, полил тонкую струю воды прямо на её майку, в район груди. Ткань мгновенно намокла и стала прозрачной, облекая каждый изгиб, каждый затвердевший сосок. Холод воды обжёг кожу, но тело уже горело, и этот контраст лишь усилил ощущения. Лина зажмурилась, чувствуя, как капли стекают по животу, проникают под джинсы и холодит уже и без того влажную плоть.

— Ты дрожишь, — констатировал он, и в его голосе звучала нежность, от которой у неё сжималось сердце. — Ты не замерзаешь, ты сгораешь. Я вижу это.

Он присел на корточки и теперь смотрел на неё снизу вверх, и этот взгляд был полон обожания и власти одновременно. Он положил ладони на её колени и развёл их в стороны, несмотря на её слабое сопротивление. Джинсы натянулись в паху, и Лина почувствовала, как влажное пятно стало заметным даже через плотную ткань.

— Видишь, что ты сделала со мной? — спросил он хрипло, и его палец коснулся ткани в том месте, где пульсировал её клитор. Он надавил ровно настолько, чтобы она вздрогнула и выгнулась, но не стал массировать, лишь прижался чуть сильнее, давая ей почувствовать давление. — Ты заставля-

ешь меня терять контроль. Я, который всегда всё контролирует, сейчас могу думать только о том, как войти в тебя, чтобы ты выгнулась подо мной, чтобы ты кричала моё имя.

Его слова обжигали, но Лина больше не пыталась отрицать. Она кусала губу, чувствуя, как его палец едва заметно движется по мокрой ткани, дразня, но не доставляя полноты наслаждения. Это была самая изощрённая пытка — быть на грани, но не переступить черту.

— Пожалуйста... — вырвалось у неё, и она сама не поняла, что просит. Остановиться? Продолжить? Она не знала.

— Пожалуйста, что? — спросил он, и его голос стал жестче, в нём появились стальные нотки, которые она слышала в самом начале. — Скажи мне, чего ты хочешь. Скажи это громко, чётко.

— Я хочу... — начала она, но слова застряли в горле. Она не могла признаться в том, что желает своего палача, что её тело требует его прикосновений больше, чем воздуха.

Сергей убрал руку, и она почувствовала пустоту, которая была страшнее любых ремней. Он поднялся, взял поднос и направился к выходу, оставляя её одну, мокрую, дрожащую, с бешено бьющимся сердцем и влажными от слёз глазами.

— Ты не готова сегодня, — сказал он, обернувшись у двери. — Но завтра ты скажешь мне всё, что я захочу. И ты будешь молить меня о том, чтобы я не останавливался.

Свет погас, и Лина осталась в полной темноте, слыша лишь гул собственной крови в ушах и ощущая, как по внут-

ренной стороне бедра стекает капля — то ли вода, то ли её собственное желание, которое теперь невозможно было унять. Она понимала, что проиграла этот раунд, но внутри неё рождалась странная решимость: завтра она скажет всё, но не потому что он сломает её, а потому что она сама захочет отдать себя в его руки, до последней клеточки.

Глава 3. Горячий шёпот каменных стен

Ночь в подвале тянулась бесконечно, но Лина не спала — она просто проваливалась в липкую дрёму, где его голос звучал снова и снова, и его пальцы ощущались на коже даже в пустоте. Каждые несколько минут она вздрагивала от скрипа собственных ремней или от капли воды, срывающейся с потолка, и каждый раз её сердце пропускало удар — казалось, он вернулся. Но темнота оставалась безмолвной, и она оставалась одна, наедине с собственным телом, которое никак не желало остывать. Влага, оставшаяся после его прикосновений, высохла, но жжение под кожей не проходило, и когда она сжимала бёдра, чтобы унять нарастающую пульсацию, это лишь разжигало огонь сильнее.

Она пыталась анализировать, пыталась вспомнить, кто она, чем занималась, как могла оказаться в лапах этого человека, но мозг упрямо выдавал лишь обрывки: запах типографской краски, женский смех, звон стекла. Ни имён, ни лиц. Только ощущения. И самое отчётливое из них — его шёпот, от которого у неё внутри всё переворачивалось. Лина ненавидела эту пустоту в памяти больше, чем цепи, потому что в ней не было опоры, не было якоря, за который можно было бы зацепиться, чтобы не сорваться в омут его власти.

Серый, мутный свет начал просачиваться сквозь щель под дверью, когда она услышала шаги. Теперь они были не тяжёлыми, а почти бесшумными, но она узнала их по ритму — уверенному, размеренному, как биение собственного сердца, которое ускорилося в тот же миг. Дверь отворилась, и он вошёл с подносом, на котором, помимо уже знакомой вазы, стояла тарелка с нарезанными фруктами и маленькая чашка с дымящимся напитком, пахнущим имбирём и мёдом.

— Доброе утро, Лина, — сказал Сергей, и его голос звучал мягче, чем вчера, почти по-домашнему. Он поставил поднос на стол и, не торопясь, подошёл к ней. — Ты не спала. Я знаю, потому что даже сквозь стены я слышал, как ты ворочаешься. И как ты сдерживала стоны.

Она подняла на него воспалённые глаза, и в них плескалась смесь злости и отчаяния. — Ты издеваешься надо мной. Ты мог бы просто ударить меня, и я бы заговорила. Но ты превращаешь это в извращённый спектакль.

Он улыбнулся — той же холодной, но теперь чуть более тёплой улыбкой, и его пальцы коснулись её щеки, откидывая прядь волос, слипшихся от пота.

— Я не издеваюсь, моя хорошая. Я изучаю тебя. И я уже знаю о тебе больше, чем ты сама. Ты — человек, который привык контролировать всё вокруг, но сейчас ты потеряла контроль. И это пугает тебя больше, чем любая боль. Разве я не прав?

Она промолчала, но её глаза сказали всё. Сергей удовле-

творённо кивнул и, взяв кусочек спелого персика, поднёс его к её губам.

— Открой рот, — приказал он тихо, но в этом приказе была сталь. — Ты должна поесть. Я не хочу, чтобы ты упала в обморок раньше времени.

Лина послушно раскрыла губы, и он вложил в них сладкую мякоть. Её язык коснулся его пальцев, и она вздрогнула от этого нечаянного прикосновения, но он не убрал руку, а медленно провёл пальцем по её нижней губе, стирая капельку сока. Затем он повторил то же самое с кусочком яблока, с виноградом, и каждый раз его пальцы задерживались на её губах чуть дольше, чем требовалось, дразня, обещая, что это лишь прелюдия к чему-то гораздо более интимному.

Когда тарелка опустела, он взял чашку с имбирным чаем и поднёс к её губам, позволяя сделать несколько глотков. Тёплая жидкость разлилась по горлу, принося облегчение, и Лина на мгновение почувствовала себя почти человеком. Почти свободной. Но он тут же разрушил эту иллюзию, поставив чашку и опустившись перед ней на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.